

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 001.99/316.752

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ (СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ablazhey63@gmail.com

Аннотация. В статье поставлена задача оценить, с опорой на исследования последнего времени, трансформации, которым подвергается этос науки. Исследование носит по многим параметрам сравнительный характер. Используются результаты эмпирических исследований научного сообщества современных Польши и Республики Корея, в качестве методологической основы которых выступает концепция научного этоса Р. Мертона. Результаты показывают, с одной стороны, глубокую трансформацию этических принципов науки, которая приводит к стратификации научного сообщества на несколько типов (академическая, индустриальная, постакадемическая наука, маргинальная группа). С другой, ученые рассматривают классические нормы как образец правильного устройства науки. Показано, что сходные процессы характерны и для современной российской науки.

Ключевые слова: академическая наука, постакадемическая наука, индустриальная наука, этос науки, императивы, ценности, коммерциализация, трансформация.

Для цитирования: Аблажей, А. М. (2022). Трансформация этических норм в современной науке (сравнительное исследование). *Respublica Literaria*. Т. 3. № 4. С. 99-109. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.99-109

TRANSFORMATION OF ETHICAL STANDARDS IN MODERN SCIENCE (COMPARATIVE STUDY)

A. M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ablazhey63@gmail.com

Abstract. The article aims to assess, based on recent research, the transformations the science's ethos. The study is comparative in many respects. We used the results of empirical studies of the scientific community of modern Poland and the Republic of Korea, the methodological basis of research is the concept of the scientific ethos by R. Merton. The results show, on the one hand, a profound transformation of the ethical principles of science, which leads to the stratification of the scientific community into several types (academic, industrial, post-academic science, marginal group). On the other hand, scientists consider classical norms as an example of the correct structure of science. We also argued that similar processes are typical for modern Russian science.

Keywords: academic science, post-academic science, industrial science, ethos of science, imperatives, values, commercialization, transformation.

For citation: Ablazhey, A. M. (2022). Transformation of Ethical Standards in Modern Science (Comparative Study). *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 4. pp. 99-109. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.99-109

Современная наука находится в состоянии постоянной трансформации. Происходящие изменения касаются не только способов планирования, финансирования и отчетности научной деятельности, непрерывно эволюционирующих в неолиберальном направлении, но и места научного знания и ценностей науки в общей картине производства и легитимации знания, позиции, которую занимают ученые в социальной структуре того или иного общества. Напомним, что именно выделение специфических для науки ценностей, этоса, дало возможность Роберту Мертону квалифицировать ее как самостоятельный социальный институт [Мертон, 2006]. Наиболее важным проявлением достигнутой самостоятельности стала автономия науки (никогда, правда, не являвшаяся абсолютной), также подвергающаяся сегодня значительному давлению.

В рамках настоящей статьи мы ставим перед собой задачу оценить, с опорой на исследования последнего времени, трансформации, которым подвергается этос науки. Тем более, что с момента их формулировки Мертоном прошло ровно 80 лет¹. Осуществление подобного анализа стало возможно благодаря публикации двух важных текстов, освещающих данную проблему на примере двух национальных систем научной деятельности. Один из них, обращающийся к примеру польской науки польской науки, для нас особенно интересен, поскольку здесь, как и в случае с российской наукой, постоянные изменения научного ландшафта обусловлены реформированием сферы производства знания в рыночном ключе. Так же, как и в России, реформирование происходило в контексте противостояния академической и вузовской науки, постоянного сокращения автономии, одновременного наличия, казалось бы, взаимоисключающих друг друга подходов в научной политике: усиление влияния государства на науку, с одной стороны, и перевод науки на рыночные принципы взаимодействия с экономической сферой, с другой. Текст, касающийся современной южнокорейской науки, также чрезвычайно интересен, поскольку в нем впервые за долгое время в качестве методологической основы проведения масштабного эмпирического исследования использовалась классическая трактовка этоса науки в духе Мертона. И если польские коллеги ставили перед собой задачу выявления различных типов производства научного знания, для которых характерен вполне определенный набор ценностей и норм, и этические императивы выступают в качестве важнейшего фактора подобной типологии, то южнокорейские исследовали степень поддержки учеными того или иного императива, оценивая на этой основе его роль в современной практике научных исследований. Наконец, мы ставили перед собой задачу оценки, в представленных методологических рамках, ситуации в отечественной науке².

¹ Статья Р. Мертона «Наука и демократическая социальная структура», где он впервые четко сформулировал четыре моральных императива науки (коммунализм, универсализм, незаинтересованность и организованный скептицизм), была впервые опубликована в 1942 г.

² Существующие оценки в основном носят негативный характер. См, например: «Деградикация проявляется в невостребованности науки... в утрате наукой привлекательного социального статуса, в резком материальном и социальном ослаблении ранее благополучной профессиональной группы научных работников,

Начнем с текста, посвященного современной польской науке. По мнению авторов, пример именно этой страны показателен в том отношении, что страна пережила «значительную экономическую и политическую трансформацию после падения коммунистического режима и, таким образом, является идеальным случаем для изучения политически и экономически обусловленной эволюции этоса науки» [Bielinski, Tomczynska, 2019, p. 152]. Обратим внимание, что в данном аспекте не менее, а скорее даже более удачным объектом для изучения трансформации науки под воздействием резко меняющейся экономической и социо-политической ситуации в обществе является Россия.

Переходя далее к теме статьи, авторы указывают, что между меняющимся режимом осуществления научной деятельности и этосом науки существует совершенно четкая взаимосвязь. По их мнению, «изменения в исследовательской политике, особенно в отношении программ, методов субсидирования науки и вознаграждения ученых, повлияли на существующий этос науки». В практическом отношении анализ подобных отношений, с целью выявления основных направлений их эволюции, способен представить дополнительные сведения о взаимозависимости между «ожидаемыми политическими изменениями в системе финансирования науки и фактическими реакциями научных кругов, не только сосредоточив внимание на правилах и положениях, но и наблюдая за имеющими место более глубокими трансформациями в нормативной структуре науки» [Там же, p. 153]. Другими словами, итогом подобного исследования вполне может быть методика экспертной оценки последствий того или иного мероприятия, связанного с практическим осуществлением научной политики.

Подобное исследование имеет также важное значение с точки зрения оценки изменений научной практики на групповом и индивидуальном уровне. Диссонанс между формально принимаемыми правилами и ценностями и фактическим их игнорированием на уровне реального поведения многое скажет о состоянии того, что Мертон называл «научной совестью» или «научным умом», подразумевая под этим степень, в которой конкретный ученый усвоил этос науки [Там же, p. 154]. По наблюдениям Мертона, глубина «научного ума» может простираться от поверхностного или формального принятия норм до их глубокого усвоения. Рассуждая далее, автор писал, что данное понятие можно использовать для объяснения того, почему так много исследований документируют нормативные нарушения в науке, включая предвзятость в оценке исследовательских работ, а также фальсификации и мошенничество, совершаемые учеными.

При описании классического этоса науки в мертоновской традиции, обычно, как правило, имеют в виду CUDOS: коммунизм (коммунизм), универсализм, незаинтересованность и организованный скептицизм. По мнению польских авторов, начинать нужно много раньше, но с опорой опять же на идеи Мертона. Главная из них заключалась в том, что только максимально добросовестное соблюдение всех норм делает возможным максимально эффективное решение наукой ее главной задачи – производства сертифицированного знания. Это *первичная институциональная* ценность и именно она узаконивает все остальные нормы внутри науки. Далее она раскладывается на *вторичные* ценности: объективность, оригинальность и релевантность. Ценность объективности

в утрате учеными перспективы и смысла своей работы, в разрушении этоса науки» [Семенов, 2006, с. 30].
(Курсив мой – Авт.)

защищает «истину науки», а ценность оригинальности предотвращает застой, способствует развитию науки и поддерживает академическую свободу. Ценность релевантности направлена за пределы науки и гарантирует, что она отвечает насущным проблемам и потребностям общества, а не просто на поиски знаний ради них самих» [Там же, р. 154]. Таким образом, для Мертона главное предназначение норм – сделать процесс производства знания максимально эффективным, т. е. его подход сформулирован предельно рационально.

Стало уже общим местом утверждение о том, что описанные выше нормы касаются *идеальной науки*. Тем не менее, по мнению целого ряда специалистов в области социологии науки, среди которых и отечественный исследователь Е. З. Мирская, данные нормы отнюдь не *сконструированы*, а *реконструированы* Мертоном в ходе работы над докторской диссертацией, переработанной вскоре в первую широко известную его книгу «Наука, техника и общество в Англии XVII в.» (1938 г.). Материалом для проведения историко-социологического анализа послужило эпистолярное наследие основателей Лондонского королевского общества – первой научной организации Нового времени, ознаменовавшей собой становление науки в качестве социального института [Мирская, 2011].

С самого момента создания концепции универсального этоса науки обсуждается вопрос о том, каков ее характер: описательный, т. е. она описывает нормы, в той или иной форме проявляющие себя в *реальной* практике научных исследований, либо предписывающий – предложенный Мертоном этический комплекс никогда не существовал в явном виде, это лишь *идеал*, к которому должна стремиться наука. Примечательно, что отвечая на вопрос о том, почему ученые придерживаются этоса науки, Мертон и его ученик Никлас Сторер дают разные ответы. Если Мертон исходит из того, что ученый поддерживает эти ценности потому, что они необходимы для дальнейшего расширения знаний, то Сторер предлагает «альтернативное», как он полагает, объяснение. По его мнению, «приверженность... этосу науки может рассматриваться как поддержка социальной структуры, благодаря которой [ученый] имеет возможность получить компетентный отзыв на свое научное творчество» [Сторер, 1972, с. 255]. Подобное видоизменение одного из основных постулатов классической теории науки требует небольшого комментария. Во-первых, ссылка на социальную структуру косвенно доказывает, что Сторер, писавший свой текст спустя без малого 30 лет после работы Мертона, уже наверняка был знаком с не менее известной работой, но уже Томаса Куна, «Структура научных революций», вышедшей в 1962 г., где главным действующим лицом в науке обозначено научное сообщество. Сторер, усвоив эту идею, оперирует в своей работе почти идентичным термином «научная общность». Во-вторых, главным содержанием науки для Сторера является творческий акт. Приращение наличного корпуса знания, как один из его возможных результатов, для него если не вторичен, то, как максимум одинаков по важности с задачей творческого самовыражения ученого. А для последнего важна оценка коллег по цеху, сама возможность и процедура которой как раз и обеспечивается благодаря этосу науки.

На рубеже 1960-1970-х гг. критика мертоновской концепции научного этоса усилилась. Целый ряд исследователей, изучая реальную практику бытия науки на примере биографий известных ученых или функционирования локальных (дисциплинарных, институциональных и т. д.) научных сообществ, приходили к выводу, что, исповедуя

принципы Мертона, построить успешную профессиональную карьеру в науке крайне сложно. Так, Йен Митрофф, исследуя локальное научное сообщество, связанное с программой космических полетов (миссия «Аполлон»), сделал вывод о том, что в реальности мы имеем дело с нормами, *прямо противоречащими* классическим, а сами эти нормы есть не что иное как «книжные истории об образе науки» [цит. по: Kim, Kim, 2018, p. 4]. Место универсализма, по мнению Митроффа, занял персонализм, когда истинный статус научного результата является достижением того, кто первым заявил на него свои права; место коммунизма занял режим секретности и налицо защитный контроль над открытием, секретность скорее норма, чем отклонение; ученые, на деле, принадлежат к особым сообществам, преследующим своекорыстные интересы, что прямо противоречит норме незаинтересованности; наконец, исследователи, как правило, склонны упорно защищать истинность собственных достижений и сомневаться в чужих, что прямо противоречит императиву организованного скептицизма [Mitroff, 1974].

В неолиберальной науке обозначенные тенденции лишь усилились. Так, Стивен Фуллер, формулируя собственное представление о нормах науки, открыто полемизирует с Мертоном. По его мнению, место коммунизма как нормы функционирования науки занимает «мафиозность», понимаемая в данном случае как необходимость поддержания хороших отношений с «боссами науки»; «культурный империализм», т. е. доминирование англо-американских журналов, замещает универсализм; налицо оппортунизм вместо незаинтересованности, т. е. безразличие к тому, как будут использованы результаты труда ученого; «коллективная безответственность», не берущая во внимание возможные негативные явления в обществе вследствие проведения научных исследований и публикации их результатов, становится заменой организованному скептицизму [Fuller, 1997].

В наши дни, когда автономия науки испытывает еще более серьезные трудности, меняется и направленность критики. Ряд исследователей, обсуждая практики взаимодействия науки и общества, констатируют, что научный этос Мертона на деле представляет собой попытку оправдать и обеспечить независимость науки от общественного контроля. Другие, напротив, резко усиливают аргументацию в пользу автономии науки, утверждая, что в ней вообще не должно быть места «суждениям о ценности», наносящим урон самой сути науки как идеального способа получения знания: «любая “смесь” науки с этикой направлена против подлинного духа науки, поскольку подрывает требование объективности» [Агацци, 2009, с. 93.].

Представление о радикальном изменении роли и места науки в современном обществе и экономике четко проявилось в концепции когнитивного капитализма. По мнению одного из видных представителей данного направления А. Корсани, мы имеем дело ни с чем иным, как с новой фазой капитализма. Главная отличительная ее черта – значительные изменения отношений между «сферой производства знаний и сферой производства товаров, характерных для промышленного капитализма». В данном случае капитал прямо подчиняет себе сферу производства знаний, в т. ч. науку. Это касается не только сферы идеологии и рассуждений о месте и роли науки в логике накопления. Сфера производства знаний становится важнейшим «залогом повышения стоимости капитала... не остается никаких

иллюзий относительно автономии науки от капитала». По мнению А. Корсани, у нас есть основания считать современную науку *биотехнонаукой*, где «стираются грани между наукой и политикой, наукой и обществом, наукой и культурой» [Корсани, 2007, с. 130-131].

Наряду с академической наукой, в рамках которой разговор о нормах «чистой науки» уместен, польские исследователи предполагают существование еще двух типов науки – индустриальной и постакадемической. Термин «индустриальная наука», предложенный Джоном Зиманом в его известной работе «Реальная наука» [Ziman, 2000], подчеркивает ее привязанность к бизнесу, ориентацию на прикладные, прежде всего *коммерчески перспективные* результаты. Основная цель науки подобного типа состоит в том, чтобы производить знания с «четко предвидимым или потенциальным использованием», что приводит к специализации и коммерциализации последних.

Для нас наиболее интересен третий тип научного предприятия, формирующийся на стыке академической и индустриальной науки, и носящий гибридный характер. Подобный тип науки Зиман назвал постакадемическим. Для него характерна значительная трансформация классических этических норм. «Частный» характер такого типа науки, подкрепляемый правом собственности на знание, противостоит норме «коммунализма», результаты исследований определяются как «принадлежащие», а не «разделяемые» в сообществе ученых. Открытия защищены правами собственности и не вносят вклад в общественное знание. Таким образом, частный характер исследований влияет также на свободное распространение достижений науки [Bielinski, Tomczynska, 2019, p. 156].

Место универсализма в рамках постакадемической науки занимает «*локальность*» – предполагается, что ученые, работающие в исследовательских подразделениях частных компаний или по их заказам в научных учреждениях, решают преимущественно узконаправленные практические задачи, вследствие чего результаты подобных исследований крайне сложно обобщить как относящиеся к более широкому кругу явлений или даже реализовать в другой лаборатории³. Чтобы хотя бы отчасти нейтрализовать негативное воздействие данного фактора и защитить универсализм как академическую норму, ученые выбирают исследовательские проблемы, которые «частично локальны, а частично универсальны» [Там же, p. 156].

Лишившись автономии, постакадемическая наука носит скорее *авторитарный*, чем бескорыстный характер. Действия исследователей «контролируются и регулируются внешними органами, которые осуществляют свои полномочия по инициированию процессов исследования, публикации и реализации» [Там же, с. 157]. Другими словами, это тот самый случай, когда над наукой доминируют другие социальные институты, в результате чего преобладают альтернативные цели, такие как финансовая эффективность. Наконец, в режиме постакадемизма *невозможна свобода выбора* научных исследований, а ученых, по мнению польских коллег, «следует характеризовать как “экспертов”, а не скептических искателей абстрактных истин», поскольку они «привлекаются для решения проблем в рамках узкоспециализированных областей науки» [Там же, p. 157].

---

³ Более того, сегодня все более актуальной становится проблема «кризиса воспроизводимости», который также прямо влияет на соблюдение императива универсализма [Deep fake Science ..., 2019].

В своем комментарии к изложению основных постулатов концепции Зимана польские исследователи отмечают, что многие из них носят скорее абстрактный или гипотетический характер и нуждаются в эмпирическом подтверждении. Вследствие этого они, подобно императивам Мертона, были подвергнуты серьезной критике как раз за несоответствие реальной научной практике: «Утверждение о том, что одна модель производства знаний заменяется другой, казалось, противоречило фактам» [Там же, р. 157] Сам Зиман утверждал, что различные типы производства знания сосуществуют и постакадемическая наука пока скорее тенденция, чем полностью сформировавшийся тип научного предприятия.

Что касается степени поддержки того или иного типа производства знания, то в польском научном сообществе ожидаемо самой высокой она была для академической науки. По словам авторов, это неудивительно, учитывая как приверженность научного сообщества идее автономного университета, так и растущую популярность идеи «открытой науки». Следующий по степени поддержки тип – постакадемическая наука, приверженцы которой «хорошо приспособлены к государственной системе финансирования науки», что подразумевает как экономическую полезность исследовательских проектов, так и объективность, оригинальность, актуальность, а также готовность к открытому распространению результатов.

Известная часть ученых относится к типу индустриальной науки, но наиболее интересен вывод авторов, согласно которому в современной польской науке представлена также т. н. «*оппортунистическая*» группа, члены которой не разделяют ценности ни одного из описанных типов науки. Авторы предполагают, что такие ученые «стремятся к достижению культурно легитимных целей, но не находят достаточной поддержки в институционализированных нормах для их достижения ... [их поведение] не подчинено нормативным ограничениям и диктуется прежде всего соображениями эффективности» [Там же, р. 169]. При негативном сценарии подобный «оппортунизм» способен привести к деструктивному поведению, в том числе случаям мошенничества или подтасовки данных.

Подобная опасность стала практически актуальной для системы организации научных исследований в Республике Корея. В начале своей статьи южнокорейские социологи также сетуют на то, что, несмотря на обилие обсуждений и споров относительно нормативной системы убеждений ученых, эмпирических данных в пользу какой-либо точки зрения явно недостаточно. Скорей всего, это связано с тем фундаментальным противоречием, о котором упоминалось выше: исследователи до сих пор спорят о том, каков практический потенциал выделенных Робертом Мертоном норм: а) описывают ли они реальную исследовательскую практику, или б) носят преимущественно предписывающий, в известном смысле директивный характер, описывая *идеальное* устройство науки. В современных условиях подобные споры только обострились, в силу все более усиливающейся тенденции к коммерциализации результатов научных исследований, ставящих под сомнение целый ряд норм, в первую очередь коммуналлизм, так и резкое увеличение случаев мошенничества, что ставит «под угрозу целостность науки» [Kim, Kim, 2018, р. 4], в первую очередь нормы бескорыстия и универсализма (в качестве яркого примера такого рода эксцессов авторы упомянули печально известную историю с южнокорейским биологом доктором Хваном, занимавшимся масштабными подтасовками результатов). Исходя из этого, эмпирическое исследование нормативной структуры науки «поможет лучше определить локусы изменений в эволюционирующих отношениях науки и общества» [Там же, р. 3].

Результаты проведенного эмпирического исследования, объектом которого стали более 600 исследователей из научных центров и университетов Республики Корея, показали, что степень поддержки норм достаточно сильно варьируется в зависимости от аффилиации респондента, дисциплинарной принадлежности и административной позиции. Например, физики склонны чаще соглашаться с нормой коммунизма, чем биологи или химики [Там же, р. 19], что может быть обусловлено гораздо большей включенностью последних в рыночные отношения. Чем выше на административной лестнице находится респондент, тем более он склонен поддерживать нормы коммунизма, универсализма и бескорыстия (авторы саркастически замечают, что исследователи с «высшими должностями» сильнее тяготеют к «более широкому рассмотрению исследовательских усилий» и поддержке классических норм, «несмотря на их книжный образ») [Там же, р. 19]. Неожиданным для авторов стал и результат, согласно которому ученые, представляющие исследовательские институты, чаще поддерживали нормы коммунизма и бескорыстия, чем университетские преподаватели [Там же, р. 19]. Как отмечают авторы, подобный вывод явно противоречит их ожиданиям.

В целом, подобно польским исследователям, южнокорейские социологи также убеждены в необходимости более масштабных, в первую очередь, эмпирических исследований, результаты которых позволили бы более адекватно оценивать состояние науки, характер и перспективы взаимоотношений науки и общества, науки и государства и, соответственно, формулировать и реализовывать более эффективную научную политику.

В заключение несколько штрихов относительно того, как представители российского научного сообщества воспринимают моральные императивы классической науки, насколько они склонны их придерживаться в своей профессиональной жизни. Специального исследования на этот счет мы пока не проводили, однако ряд результатов, полученных в ходе реализации других проектов, позволяет сделать ряд важных выводов по этим вопросам. В ходе исследований социальных характеристик аспирантов научно-исследовательских институтов Новосибирского научного центра, первое из которых было проведено в 2005 г., а второе в 2018 г., респондентам задавали вопрос о том, какой тип профессиональной карьеры для них наиболее предпочтителен. Первый вариант – научная карьера в академическом институте, в целом соответствует типу *академической* науки. Второй – научная карьера в негосударственном научном центре, может быть ассоциирован с типом *постакадемической* науки. Типу *индустриальной* науки отчасти соответствует третий вариант: бизнес в сфере науки и высоких технологий. Полученные результаты показали, что начинающие исследователи чаще всего выбирали первый вариант, что совпадает с выводом польских исследователей о наибольшей популярности академического типа производства знания. На втором месте по популярности, и это также совпадает с результатами социологов науки из Польши, вариант «бизнес в сфере науки». Наконец, на третьем месте оказался вариант «научная карьера в негосударственном научном центре», который мы склонны ассоциировать с постакадемической наукой. В целом это также соответствует выводу о том, что данный тип организации научной деятельности занимает пока маргинальную позицию [более подробно см.: Аблажей, 2019].

Представленные результаты дают возможность сделать несколько важных выводов относительно ситуации в российском научном сообществе. Прежде всего, не будет преувеличением сказать, что российские исследователи до сих пор сохраняют сильную

приверженность нормам идеальной науки, которые к тому же по целому ряду позиций совпадают с нормами советской науки. Три десятилетия постсоветской истории не смогли радикально изменить ситуацию в области ценностей и норм научной профессии. Как показали данные упомянутых выше опросов аспирантов, для будущих ученых по-прежнему главным критерием успешной карьеры в науке является авторитет среди коллег, сумма доходов ему заметно уступает. Нельзя не сказать и о роли государственной научной политики, которая по целому ряду параметров отнюдь не способствовала утверждению ценностей индустриальной, коммерчески ориентированной науки. Несмотря на несколько волн реформирования, сложившиеся в сфере фундаментальных исследований условия научной работы, включая практики планирования, финансирования и отчетности, во многом способствуют консервации классических норм. Отечественные ученые не слишком охотно стремятся на рынок знаний и технологий, да он по-настоящему еще и не сложился.

Список литературы / References

Аблажей, А. М. (2019). Институт аспирантуры в постсоветский период: сравнительный анализ (часть 2). *Философия образования*. Т. 19. № 3. С. 46-56.

Ablazhey, A. M. (2019). Post-graduate studies in the post-Soviet period: comparative analysis (part 2). *Philosophy of Education*. Vol. 19. no. 3. pp. 46-56. (In Russ.)

Агацци, Э. (2009). Свободна ли наука от ценностей? *Вопросы философии*. № 10. С. 93-104.

Agazzi, A. (2009) Is science free from values? *Problems of Philosophy*. no. 10. pp. 93-104 (In Russ.)

Deep fake Science, кризис воспроизводимости и откуда берутся пустые репозитории. (2019). [Электронный ресурс]. *Хабр*. URL: <https://habr.com/ru/post/480348/> (дата обращения: 10.11.2022).

Deep fake Science, the Reproducibility Crisis and Where Empty Repositories come from. (2019). [Online]. *Habr*. Available at: <https://habr.com/ru/post/480348/> (Accessed: 10 November 2022).

Кун Т. (2002). Структура научных революций. М.

Kuhn T. (2002). *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow. (In Russ.)

Корсани, А. (2007). Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме. *Логос*. № 4. С. 123-143.

Corsani, A. (2007). Capitalism, biotechnoscience and neoliberalism. Information for reflection on the relationship between capital, knowledge and life in cognitive capitalism. *Logos*. no. 4. pp. 123-143. (In Russ.)

Мертон Р. (2006). Наука и демократическая социальная структура // *Социальная теория и социальная структура*. М. С. 767-781.

Merton R. (2006). Science and the democratic social structure. *The Social Theory and Social Structure*. Moscow. pp. 767-781. (In Russ.).

Мирская, Е. З. (2011). Р. Мертон и его концепция социологии науки. [Электронный ресурс]. URL: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-38-54/74-2011-08-11-09-26-55/2439> (дата обращения: 14.11.2022).

Mirskaya, E. Z. (2011). R. Merton and his concept of the sociology of science. [Online]. Available at: <https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-38-54/74-2011-08-11-09-26-55/2439> (Accessed: 14 November 2022).

Семенов, Е. В. (2006). Сфера фундаментальных исследований в постсоветской России: невозможность и необходимость реформы. *Наука. Инновации. Образование: Альманах*. М. С. 28-61.

Semenov, E. V. (2006). The sphere of fundamental research in post-Soviet Russia: the impossibility and the need for reform. *Science. Innovations. Education. Almanac*. Moscow. pp. 28-61. (In Russ.)

Сторер, Н. (1972). Социология науки. *Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы*. М. Прогресс. С. 248-264.

Storer, N. (1972). Sociology of Science. *American Sociology. Perspectives. Problems. Methods*. Moscow. pp. 248-264. (In Russ.)

Bielinski, J., Tomczynska, A. (2019). The Ethos of Science in Contemporary Poland. *Minerva*. no. 57. pp. 151-173.

Fuller, S. (1997). *Science. Concepts in Social Sciences*. Open University Press.

Mitroff, I. (1974). Norms and counter-norms in a select group of the Apollo Moon scientists: a case study of the ambivalence of scientists. *American Sociological Review*. Vol. 39, no. 4. pp. 579-595.

Kim, S. Y., Kim, Y. (2018). The Ethos of Science and Its Correlates: An Empirical Analysis of Scientists' Endorsement of Mertonian Norms. *Science, Technology and Society*. no. 23. pp. 1-24.

Ziman, J. M. (2000). *Real Science: What it Is and What it Means*. Cambridge University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3693-8845>

Статья поступила в редакцию: 14.11.2022

После доработки: 01.12.2022

Принята к публикации: 12.12.2022

Ablazhey Anatoly – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: ablazhey63@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-3693-8845>

The paper was submitted: 14.11.2022

Received after reworking: 01.12.2022

Accepted for publication: 12.12.2022